

Научная статья
УДК 94(47).084.5
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-145-155>

Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири Часть 1. 1924/25 год

Александр Петрович Шекшеев

Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий, Абакан, Россия, turan47@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается взимание единого сельскохозяйственного налога в кампании 1924/25 годов на территории Енисейской губернии или с лета 1925 г. – Красноярского, Ачинского, Канского, Минусинского и Хакасского округов Сибирского края. Целью исследования является изучение взаимоотношений между советским государством и крестьянством в «лучшие годы нэпа», которые тогда во многом воплощались во взимании и уплате налоговых заданий. Автор показывает, что сутью налоговой политики со стороны государства являлись ежегодные и постоянные переходы от экономических мер к администрированию и репрессированию, а затем с возникновением кризисных явлений – от жесткого прессинга к новому миру в деревне и обратно. Следуя объявленному курсу «лицом к деревне», местные власти стали освобождать бедняцкие хозяйства от уплаты налога. На материалах конкретного региона показано, что местные власти пытались организовать заготовки на коммерческой основе, но каждый раз оказывались не готовыми к этой политике и срывались к привычным внеэкономическим методам отчуждения хлеба. На наглядных примерах показаны существенные различия в управленческом поведении членов сельских советов. Советским службам запрещалось консультировать сельских жителей по вопросам налогового обложения. Другой задачей статьи стало освещение крестьянского поведения. Приведенные факты свидетельствуют, что сельское население было не только законопослушным исполнителем политики государства. Наряду с зажиточными крестьянами представители других слоев сельского населения всеми доступными им способами, которые носили скорее всего не классовую окраску, боролись с возрастающей монополизацией рынка и директивными методами его регулирования.

Ключевые слова: деревня, единый сельскохозяйственный налог, Енисейская губерния, задержка уплаты, коммунисты, крестьяне, налоговые кампании, репрессии, советская власть, крестьянское сопротивление, утаивание объектов, хлеб

Для цитирования: Шекшеев А. П. Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 145–155. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-145-155>

Original article

Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia. Part 1. 1924/25

Alexandr P. Sheksheev

Khakass Republican Association of Victims of Political Repression, Abakan, Russia, turan47@yandex.ru

Abstract. The article highlights the collection of a single agricultural tax in the campaigns of 1924/25 or since the summer of 1925 on the territory of the Yenisei province - Krasnoyarsk, Achinsk, Kansk, Minusinsk and Khakass districts of the Siberian Territory. The purpose of the study is to study the relationship between the Soviet State and the peasantry in the “best years of the NEP”, which were then largely embodied in the collection and payment of tax assignments. The author shows that the essence of the tax policy on the part of the state was the annual and constant transitions from economic measures to administration and repression, and then with the emergence of crisis phenomena - from hard pressure to a new world in the village and back. Following the declared course “face to the village”, local authorities began to exempt poor households from paying taxes. Based on the materials of a particular region, it is shown that local authorities tried to organize harvesting on a commercial basis, but each time they were not ready for this policy and broke down to the usual non-economic methods of alienating bread. Illustrative examples show significant differences in the managerial behavior of members of rural village councils. Soviet services were forbidden to advise rural residents on tax issues. Another task of the article was to highlight peasant behavior. These facts show that the rural population was not only a law-abiding executor of state policy. Along with well-to-do peasants, representatives of other strata of the rural population struggled with the increasing monopolization of the market and directive methods of its regulation by all means available to them, which were most likely not class-based.

© Шекшеев А. П., 2022

Keywords: village, unified agricultural tax, Yenisei province, payment delay, communists, peasants, tax campaigns, repression, Soviet power, peasant resistance, concealment of objects, bread

For citation: Sheksheev A. P. (2022) Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia. Part 1. 1924/25. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 145-155. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-145-155>

Советская новая экономическая политика (НЭП), вызвав появление огромного количества публикаций общественно-политического и научного жанра (Очерки истории..., 1970; Гуцин, Ильиных, 1987; Ильиных, 1989; Голанд, 1991; Рассел, 1991; Скотт, 1992; Скотт, 1996; Федорова, 2006; Ильиных, 2010; Шекшеев, 2020; Бакшеев, 2020), издание объемных сборников документов (Советская деревня..., 2000), получила значительное освещение и породила множество неоднозначных суждений. Она представлялась то как временное отступление от программного курса на построение социалистического общества, то, наоборот, как истинно верный путь к социализму и как идеальная модель социалистической рыночной экономики, которая была насильственно свернута апологетами тоталитаризма из сталинского лагеря (См.: Россия нэповская, 2002). Сибирскими учеными конца советской эпохи утверждалось, что с переходом к нэпу и ростом регулирующего начала в социально-экономическом развитии деревни главным хозяйственным рычагом стала налоговая политика, которая имела ярко выраженный классовый характер (Крестьянство Сибири в период строительства социализма, 1983. С. 132–133).

Будучи «точным слепком процессов, характеризующих сущность, идеологию и практику новой экономической политики» (Ильин, 1991. С. 116), динамика налогового обложения и взимания представлялась определяющей в судьбах её и на страницах трудов более современных авторов. Во время нэпа советская власть, как считают ученые, путем использования эмиссии, налогов и цен балансировала на грани войны и мира с деревней, а все попытки правящей партии вернуть свое руководящее положение в экономике оборачивались возникновением нового кризиса (Россия нэповская, 2002). Советские историки писали об усложнении классовой борьбы, обретении ею опасных форм в экономике (Историография крестьянства советской Сибири, 1976. С. 137), а современные – свидетельст

ли, напротив, об ослаблении противостояния государства и деревни (Ильиных, 1994. С. 169). В Сибири, по мнению одного из них, упрочившийся гражданский мир сменился новым обострением отношений между ними в основном под воздействием хлебозаготовительных кризисов 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. (Ильиных, 1990. С. 93; Ильиных, 2005. С. 271; Ильиных, 2010. С. 13). Согласно высказыванию историка, сложность ситуации осуществления индустриализации в аграрной стране состояла в том, что коммунисты могли провести её только в борьбе с крестьянством и одновременно при опоре на него (Сталинизм и крестьянство, 2014. С. 346, 370).

Разобраться в этом сгустке знаний, продолжив начатое исследование налоговых кампаний периода нэпа (Шекшеев, 2020; Шекшеев, 2021), и тем самым выявить обусловленность кризисов, характер и масштабы крестьянского протестного поведения на основе фактического материала конкретного региона и является целью данной публикации.

Возникшие в результате продовольственных изъятий трудности и опасности для советской власти заставили её пойти на уступки крестьянству. Обнажив противоречия развития нэповской экономики, образовавшийся в 1923 г. «кризис сбыта» проявился в товарном голоде и, одновременно, в снижении покупательной способности деревни. Государство начало «овладение рынком» с мер, снижающих цены промышленных товаров и подменяющих еще не развившиеся рыночные отношения бюрократическими подпорками. Вместе с тем существенным образом изменились структуры и силы, должны проводить продовольственные заготовки, например, в Енисейской губернии. Введенный вместо множества взысканий, единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) мог вноситься деньгами, частично продуктами, а с начала 1924 г. – только в денежной форме.

Реорганизация налогового механизма способствовала росту поступления продовольствия и сельскохозяйственного производства. К лету 1924 г. в губернии было засеяно земли на 14 % больше по

сравнению с предшествующим годом. Соответственно с этим увеличился сбор зерна, а вместе с расширением сенокосных площадей – и поголовья скота (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 105. Л. 236; Д. 139. Л. 45, 67).

30 апреля 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об едином сельскохозяйственном налоге» на 1924/25 г., которое, отменив волостные и сельские сборы, сделало ЕСХН для сельского населения единственным налогом. Он исчислялся и взимался не только силами государства, но и созданными еще ранее заготовительными организациями «Хлебопродукт», «Сокредит», «Губсоюз» и др. Реорганизации подверглось руководство централизованными государственными заготовками: в мае того же года оно было возложено на созданный Наркомат внутренней торговли (НКВТ) СССР, в Сибири – на Сибкрайвнутторг и его местные органы. На состоявшемся в том же месяце XIII съезде РКП(б) начала разрабатываться принципиально новая политика по отношению к деревне, которая учитывала стремление крестьян к открытому использованию доходов во расширение своего хозяйствования.

Следуя объявленному курсу «лицом к деревне», местные власти стали освобождать бедняцкие хозяйства от уплаты налога, предоставлять им безвозвратные ссуды и оказывать всяческую помощь. Начавшая проводиться политика «оживления советов» должна была создать обстановку, благоприятствующую сбору налога.

Вместе с тем установившаяся летом 1924 г. жаркая погода привела к недороду хлебов и резкому снижению заготовительных цен, парализовавших государственные заготовки в ряде районов европейской части страны. Власти были вынуждены увеличить налоговые задания для сибирских регионов. Другой причиной этого возрастания явилась, по мнению местного историка, попытка советского правительства предпринять, несмотря на уроки кризиса 1923 г., ускорение темпов индустриализации (Карлов, 2009. С. 16)¹.

Сельское население Енисейской губернии, отнесенной к территориям пятого разряда ЕСХН, в 1924/25 г. должно было собрать 4 млн 60 тыс. рублей, тогда как в предшествующую кампанию взисканный налог вместе с эмиссионными расходами составлял 4 млн 492 тыс. рублей. Против прошлого года твердое налоговое задание на единицу обложения сократилось на 20,7 % (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 619. Л. 118; Д. 621. Л. 12; Д. 867. Л. 2). Но по сравнению с другими сибирскими регионами губерния, по признанию самих управленцев, оказалась «переобложенной» налогом (Государственное казенное учреждение Республики Хакасии «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 18. Л. 5, 7).

Советским службам запрещалось консультировать сельских жителей по вопросам налогового обложения. Отчасти поэтому, когда выяснилось, что падение урожайности придется компенсировать сибирским крестьянам, радикальные настроения среди них, не забывших методы взимания разверстки и ценовую политику государства, стали нарастать. Высокое обложение налогом вызвало знакомое явление, которое ученые характеризовали как защитную реакцию на прямое изъятие продукции, форму молчаливого и согласованного действия множества крестьян, несогласных не столько с самим фактом изъятия произведенного ими продовольствия, сколько с несправедливым способом его взискания и присвоения (Скотт, 1996. С. 34, 36). Прежде всего, оно выразилось в массовой утайке посевов и скота, которая происходила по решению сельской общестственности и зачастую по инициативе советских служащих. Так, созданный 19 июня 1924 г. членом сельсовета М. Ермаковым сход жителей д. Новгородская Канского уезда проголосовал за сокрытие четверти всех посевов. С прибытием финансового инспектора Рубина, предложившего крестьянам добровольно выдать незаявленные посева, участники нового схода, сначала кричавшие ему «Иди и измеряй!», в конечном итоге проголосовали за обложение налогом без обмера 300 десятин посева. 4 июля была избрана ревизионная комиссия, которая выявила у отдельных жителей утаенные 127 десятин и 38 животных. Выехавшая на место сессия губернского суда в открывшемся 1 сентября заседании рассмотрела дело 53 граждан, так и не при-

¹ Карлов С. А. Трансформация крестьянских хозяйств Восточной Сибири в годы нэпа (1921–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2009. 22 с.

знавших свою вину. Объявленные прокурором «врагами советской власти», девять «руководителей» этого саботажа раскаялись лишь в последнем слове. 4 сентября суд оправдал 10 обвиняемых и приговорил Ермакова и более 40 крестьян к двум и менее годам сначала строгой изоляции, а затем условного заключения (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 30 августа, 24 сентября).

Ознакомившись с положением об ЕСХН, сход жителей с. Тютет Ачинского уезда встретил предложение председателя сельсовета о создании комиссии по учету посевов из бедняков и коммунистов молчанием, а потом избрал в неё «кулаков». Осуществленная запись посевов показала, что все крестьяне, независимо от их имущественного ценза, засеяли одинаковое количество земли и должны были платить одну и ту же сумму налога. Беднота таким решением схода осталась недовольной. За сокрытие объектов агитировали «кулаки» и в с. Шарыпово.

С участием всех жителей происходило сокрытие в селениях Бузуново, Сорокино, Ново-Покровка и Креславка Минусинского уезда. В июле здесь были выявлены 228 десятин скрытой пашни, 50 коров и 60 лошадей, не внесенных в налоговый список. Вблизи с. Нижний Суэтук и Верхний Кебеж обнаруженными оказались более 26 десятин земли неизвестной принадлежности. Командированный для выявления объектов обложения в д. Мурино фининспектор Чураков был тяжело ранен. Против выявления объектов выступал и сельский совет в д. Ново-Троицкая.

Напротив, инициативным в выявлении оказался сельсовет с. Абаканского. Установив по личным заявлениям граждан запашку более 500 десятин, созданная им комиссия провела обмеры в одном из урочищ и обнаружила «бесхозные» площади. Сознанный в утайке крестьянин выдал такого же укрывателя, а тот – еще одного, и началась массовая выдача, завершившаяся выявлением 300 десятин пашни (Власть труда (Минусинск). 1924. 19 июля, 1, 3, 5 августа; ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 113; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 85).

Утаивание крестьянами до половины всех объектов обложения наблюдалось в с. Зелеево и Емельяново Красноярского уезда. В связи с сокрытием в с. Сергеево, Тертеж, Тускун и Тизгино заяв-

ленная крестьянами посевная площадь уменьшилась на 20 % (ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 107).

В целом по Ачинскому, Канскому, Минусинскому и Красноярскому уездам к осени 1924 г. за саботаж налогового обложения к уголовной ответственности были привлечены 133 налогоплательщика и 28 лиц сельской администрации (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 30 августа).

Попытка «открытого сопротивления» выявлению имела место в д. Уты только что образованного Хакасского уезда. Виновные в ней председатель и секретарь сельсовета были отданы под суд. В комиссию по ревизии объектов обложения в с. Тесь был избран И. Ваулин, заявивший: «Советская власть нам не только дала свободу, но и последнюю шкуру сдирает с нас». С его отстранением членами комиссии – бедняками и середняками были выявлены 120 десятин скрытой пашни. Авторитетный среди населения житель с. Синявино М. Богданов агитировал его к утаиванию, что вылилось в неподчинение некоторых крестьян требованиям властей. Сорвав работу комиссии по выявлению, секретарь Усть-Бирьского сельсовета Китаев послал в районный исполнительный комитет (РИК) сведения о наличии в деревне объектов, которые там были признаны далекими от полноты. Заметной являлась агитация против выявления в с. Таштып, Чиланы и Монок. Но вскоре с приездом уполномоченных уездного ревкома беднота повсеместно «осознала» свое ошибочное поведение и стала выдавать утаенные «кулаками» объекты (ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 91, 107; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 110; ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 25, 30).

Затяжной в этом же уезде оказалась выплата населением недоимок по налогу и семенной ссуде. В Чарковском районе недоимки были неправильно зачислены в волостной фонд еще создающегося нового административно-территориального образования. Из-за смешанных хозяйственных занятий инородцев Енисейский губернский исполком (ГИК) решил взимать с них ЕСХН по площади посева, сенокоса и поголовью животных. Но индивидуального подхода не получилось, что позволило части зажиточного населения уйти от обложения и вызвало недовольство у соседей – русских крестьян, которым было отказано в сложении налога. Население Боградского района обжаловало деятельность уполномо-

ченных РИКа у прокурора, который прекратил взыскание налога до завершения разбора дела. В результате получился недобор ЕСХН, часть его перешла в разряд недоимок (ГКУ РХ «НА».Ф. П-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 26, 30, 68).

Сокрытые большие посевные площади были выявлены при сентябрьской проверке в селениях Уярского района Красноярского уезда. В с. Каптырево Минусинского уезда власти нашли утаенный участок пашни, хозяин которого объяснял свое поведение отсутствием денег на оплату обучения родственника. Спрятанными в с. Иудино оказались до половины объектов налогового обложения (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 24 сентября; Власть труда (Минусинск). 1924. 1 октября; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 94).

Зачастую, вследствие того что «кулацкие» посева, разбросанные в общих деревенских наделах или на заимках, было трудно выявить, налогом облагали всю обнаруженную посевную площадь независимо от имущественного ценза её хозяев. Налоговому аппарату оказалось не по силам организовать учет доходов крестьян от отходничества, нелегальных сделок при аренде-найме средств производства и ростовщических операциях. Заготовки хлеба предполагалось вести силами развернутой сети государственных и кооперативных структур, а также привлеченных различных внеплановых организаций потребляющих районов и частных заготовителей.

Налог начал взиматься с 1 октября 1924 г. В связи с недостатками в деятельности заготовительных организаций и позицией крестьянства, ожидавшего повышения закупочных цен, поступление его было медленным. С ростом посевных площадей на 10 %, что произошло в наиболее хлебопроизводящем Минусинском уезде, соответственно увеличилось и налоговое обложение его населения. Но вследствие того, что от засухи здесь погибли некоторые посева, часть налогового бремени с крестьян была сложена (Власть труда (Минусинск). 1924. 8 августа, 12, 23 ноября).

Нужда в деньгах после летнего периода у населения была большой, а время для реализации технических культур и продуктов животноводства еще не наступило. Как всегда, крестьяне сначала повезли на рынок домашние овощи и птицу и лишь с установлением хороших дорог – хлеб. Следуя логике

стоимости, крепкие хозяева выбрасывали на рынок мясо и живой скот, но придерживали пшеницу. Беднота же, не имея продуктов к уплате налога, была вынуждена продавать хлеб по дешевке. Наблюдалось его массовое предложение со стороны производителей по сниженным ценам, что, по их мнению, являлось «несправедливым». В связи с этим порой происходили, например, в Ачинском уезде сокращение посевов (ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 159) и задержка реализации хлеба.

В Канском уезде мужики высказывались о нанесенной им «обиде»: они «не против налога, а против неправильных разрядов», что дает власть. Когда они, пострадав от неурожая, посетили в Канске РИК, где доказывали служащим свою «беду», те «топали на них ногами». На общем сходе в с. Курай крестьяне выступили против раскладки налога самими плательщиками, которые будут решать этот вопрос «по сватовству, кумовству и пьяной лавочке». Заявив, что наложение налога центром будет «правильней», они в то же время советовали властям не освобождать бедноту от налога, а давать всем крестьянам «одинаковую скидку» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 29. Л. 25).

Напротив, некоторые крестьяне, почувствовав поддержку властей, старались быстрее рассчитаться с государством. К примеру, житель д. Тахтамай Канского уезда Пастухов, не дожидаясь получения окладного листа, полностью оплатил налог (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 23 ноября).

Большое количество заготовителей породило между ними скрытую конкуренцию, снижение лимитов и закупку хлеба, некондиционного по натуре и влажности. Из-за разницы в ценах на хлебопродукты некоторые крестьяне Ирбейского района Канского уезда предпочли сдавать хлеб в городе. «Хлебопродукт» создавал специальные крестьянские артели, деятельность которых практически прекратила приток хлеба на государственные ссыпные пункты, но увеличила его поступление в закрома самого треста (ГАНУ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 160. Л. 55).

«Наехавшие спекулянты» скупали в селах Минусинского уезда скот, кожи и масло, а на Абаканском базаре – пшеницу, которую по низкой цене перерабатывали на Баландинской мельнице в сеянку. Продукты, подвозимые к Сорокинской пристани, плотами и пароходами отправлялись в Красноярск,

где торговцы от их продажи получали большие ба-рыши (Власть труда (Минусинск). 1924. 17 октября). В результате государственные заготовки в уезде к 22 ноября были выполнены лишь на 16,3 % (ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 1).

Сбор семенной ссуды из-за инертности аппаратчиков начался в губернии поздно и вследствие отсутствия в деревне достаточного количества денежных знаков осуществлялся натурой. Лишь 5 декабря 1924 г. Сибирский революционный комитет (Сибревком) признал обоснованность и осуществление этой акции подобным образом законными (ГАО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 195. Л. 1–2).

Главными виновниками неудовлетворительно-го состояния дел на хлебном рынке признавались продовольственные работники и частные заготовители. К декабрю 1924 г. губерния отгрузила для центра лишь 200 вагонов с хлебом. Причем, только четыре из них принадлежали «частникам», которые запоздалой подачей заявок на вагоны заставляли крестьян ожидать приема хлеба или возвращаться с ним обратно. Зачастую хлеб в вагонах начинал гореть (ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 246).

Деятельность заготовителей, которые выезжали на тракт, встречая обозы и обещая крестьянам «всяческие блага» за проданный им хлеб, по мнению руководства Канского уезда, «развратила» даже бедняцкое, переселенческое население, в прошлом партизанившее и занимавшее первое место по выполнению заданий центра. В отсутствие «бедности, содействующей сплочению населения вокруг советов», сетовали местные партийцы, возникло новое «расслоение» общества, отвлекавшее низовой аппарат на борьбу с зажиточным крестьянством. Осуществляя её, управленцы, к примеру, отказали предприимчивым лицам, создавшим якобы для своей наживы артель по электроснабжению деревни, в просьбе с целью получения электротоваров отправить 10 вагонов хлеба в Харбин (Маньчжурия). Одновременно руководство сообщало о «громадном» спросе населения на «культурное» развитие сельского хозяйства, которое оно при наличии семи агрономов в уезде удовлетворить было не в состоянии (ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 251. Л. 122, 124, 142).

Проведя разъяснительную работу среди заготовителей, власти привычно применили давление на крестьян. За октябрь – ноябрь 1924 г. в губернии

было составлено более 600 описей имущества неплательщиков, а в 37 случаях его продали с торгов. Имело место и привлечение виновных к судебной ответственности, причем, скорее казусного характера. Например, в Идринском районе Минусинского уезда властями при взимании ЕСХН была проявлена административная «ретивость», выражавшаяся в том, что выездная сессия приговорила гражданина за неуплату 27 копеек к шести годам условного заключения (ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1326. Л. 49; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 868. Л. 27).

При этом с целью усиления взыскания налога минусинские коммунисты усилили агитацию. Ответственные лица в течение ноября дважды посетили каждый район. ЕСХН выплачивался налогоплательщиками лучше, чем в предшествующем году: кассы работали с перегрузкой, судебных исков не наблюдалось, а поступление налога превысило норму (ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 1).

Взимание налога осуществлялось одновременно с мерами, дублирующими решения центральных руководящих органов и направленными на облегчение положения крестьянства. Так, 10 октября 1924 г. ГИКом было принято обязательное постановление об единовременном налоге на нужды населения, пострадавшего от неурожая. 24 октября последовал его приказ об оказании помощи маломощным животноводческим хозяйствам путем полного освобождения их от уплаты ЕСХН. Ставки налога на скотоводческие хозяйства, имевшие свыше пяти животных, были уменьшены на 15 %. Предоставлялись налоговые льготы и лицам, которые занимались улучшением породности скота. В то же время, согласно постановлению ГИКа от 14 ноября 1924 г., особым сбором, поступавшим в сельсоветы для покрытия расходов по охране общественного порядка или на благоустройство сел, облагались «лишенцы» и все лица, живущие наемным трудом (ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1241 а. Л. 108, 162, 172).

Власти в декабре 1924 г. повысили лимит на поставляемую крестьянами пшеницу и установили льготы для тех, кто доставлял её на сыпные пункты издалека (ГАО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 160. Л. 84). Убедившись в стабильности цен, середняки и бедняки повезли остатки хлеба в счет уплаты ЕСХН. Следствием этого стало перевыполнение месячного заготовительного плана. До 1 января 1925 г. у крестьян

было закуплено 4152,5 тыс. пудов хлебопродуктов, из которых декабрьские заготовки составляли 72 % (Ильиных, 1989. С. 142). В целом по Сибири задание первых месяцев этой налоговой кампании не было выполнено, но показатели закупок продовольствия в Енисейской губернии являлись более высокими и составляли 58 % от плана (Ильиных, 2005. С. 112; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 867. Л. 2).

В правящих кругах зрело мнение о том, что единственным способом спасения центральных районов от недостатка продовольствия могла стать либерализация хлебного рынка. Однако в Сибири власти предпочитали решать заготовительные дела методами администрирования, вызывавшими недовольство крестьян. Деревня роптала против взимания недоимок, которые превышали объем ЕСХН, а жители одного из сел Каратузского района в декабре 1924 г. направили телеграмму М. И. Калинину, в которой возмущались применением к ним репрессий (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 17).

Начиная с января 1925 г. продовольственные заготовки в Енисейской губернии осуществлялись путем наложения на население все новых заданий. Региону предлагалось заготовить 5,5, затем 2 млн пудов хлеба (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 841. Л. 3). Продовольственные органы, получив санкцию политического руководства губернии, приступили к изъятию хлеба из деревни «подчистую» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 688. Л. 11). Упрекаемая зажиточными соседями в отсутствии пользы государству беднота в их глазах являлась «лодырями» и испытывала, по наблюдению очевидцев, поведенческую «робость». Наиболее активными в общественной и экономической жизни деревни стали середняки. Задавая тон на сходах, они держались независимо как перед властями, так и «кулачеством». Как правило, эта категория крестьян выражала недовольство тяжестью налога, якобы не стимулировавшего развития их хозяйств. На самом деле такие настроения середняков, поддерживавших интересы своих немногочисленных более зажиточных односельчан, не соответствовали действительности. Хлебных излишков в губернии оказалось в два раза больше предполагаемого объема (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506. Л. 14; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 11).

Направленные в некоторые местности губернии с целью выявления политической обстановки комиссии были встречены «выжидательно-недоверчивым» отношением населения, которое вскоре сменилось откровениями крестьян. Заслушавшая их, находившаяся в Абаканском районе Минусинского уезда комиссия во главе с краевым прокурором П. Г. Алимовым выявила множество перегибов и негативных последствий выполнения налоговой политики. Крестьянство было недовольно сроками взимания ЕСХН, неправильным, по его мнению, определением объема по скоту и разрядам урожайности, когда льготы получали сильные хозяйства, а у слабых – описывали последнюю лошадь, излишними налогами, что возлагались на мельников и кустарей, которые тут же прекращали нужную для деревни работу, а также досрочным описанием имущества неплательщиков. Выяснилось, что в районе дополнительно к ЕСХН с крестьян брали налоги на содержание сельсоветов, школ, детских садов, выпуску газет и организацию гоньбы. Недоимки в ряде деревень восполнялись, например, заготовкой дров для советских учреждений (ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 18. Л. 9, 17).

Наблюдавший положение и настроения крестьян в одном из районов Канского уезда, председатель еще одной комиссии А. М. Тамарин на заседании бюро Енисейского губернского комитета (ГК) РКП(б) 12 февраля 1925 г. доложил, что нынешний налог оказался для деревни более тяжелым. «Налоговая политика революционизировала деревню», но необходимость её проведения «осознана крестьянами», – заключил он свое сообщение (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 882. Л. 33).

Стимулируя заготовки продовольствия, НКВТ в феврале 1925 г. санкционировал значительное повышение закупочных цен в Сибири. Многие бедняки, продав хлеб заготовительным организациям, чтобы прокормиться, были вынуждены покупать его у «кулаков», но уже по дорогой цене. Дождавшись данного решения, одобренного высшим партийным руководством страны, зажиточные крестьяне активно повезли хлеб на заготовительные пункты. Выдержав налоговый нажим и сохранив его, они могли теперь получать доход от продажи и стали исправными плательщиками налога (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506. Л. 14; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 11).

В условиях хлебного избытка некоторые из таких крестьяне проявляли хозяйственную инициативу. Так, по предложению братьев Волковых более 140 жителей д. Малая Уря Канского уезда объединились в маслодельную артель, которая произвела и отправила в Иркутск 50 вагонов продуктов (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 859. Л. 30). В с. Усть-Есь Хакасского уезда заготовки хлеба и сырья перешли в руки братьев П. и А. Чудогашевых. При этом один из них являлся хозяином кожевенного завода и был лишен избирательного права (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 180).

Однако в силу немногочисленности зажиточного крестьянства задание по уплате налога выполнялось слабо и вскоре потребовало нового нажима со стороны властей. Запугивая население Шиткинского района Канского уезда конфискацией хлеба и привлечением к суду ревтрибунала, грубым отношением к нему отметился коммунист и уполномоченный уездного исполкома Малыгин. Напуганные угрозой конфискации имущества за неуплату налога, некоторые жители д. Талая, Енисейка и Сохатая начали распродавать имущество за бесценок (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 6). На территории этого уезда наказанию за саботаж уплаты ЕСХН подверглись 355 крестьян, в т. ч. штрафу – 172, описи имущества – 163 и судебной ответственности – трое (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 14). В целом за время кампании опись имущества здесь применили к 700 хозяйствам, но продали его лишь у двух. Как только власти объявляли об описании, крестьяне тут же находили деньги для уплаты задолженности (ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 251. Л. 122).

Напротив, в Минусинском уезде, где налоговое задание к апрелю было выполнено на 104–105 %, репрессии применялись в незначительных масштабах и в основном через наложение штрафов (ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 5. Л. 200; ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 752. Л. 34). При этом имел место случай, когда Курагинский сельсовет уклонился от проведения судебного приговора о взыскании денег с неплательщика путем осуществления описи его имущества (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 68).

В конце февраля 1925 г. полностью ЕСХН был собран в Хакасском уезде. Однако власти, используя две системы налогового обложения – по посеву и скоту, решили дополнительно собрать здесь с 7089

хозяйств, занимающихся земледелием, 173,5 тыс. рублей и с 7730 семей скотоводов – 209,3 тыс. рублей. При этом 5,8 тыс. десятин посева, осуществленного последними, остались неучтенными. В уезде были освобождены от уплаты налога более 3,6 тыс. бедняцких хозяйств, а 4,5 тыс. – получили льготы. С таким подходом лиц, сопротивлявшихся уплате налога, здесь было немного: имели место лишь три случая торга имуществом «злостных» неплательщиков (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 903. Л. 41, 57).

Между тем кое-где крестьяне, отвечая на новый натиск властей, пытались сопротивляться их инициативам. Так, «кулаки» с. Малое Ильинское Ачинского уезда отказались от пожертвований продуктами в пользу ленинградских рабочих, а беднота собрала для них лишь 14 пудов хлеба (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 4). Крестьяне вновь обратились к сокрытию объектов налогового обложения, которое в первой половине 1925 г. в некоторых местностях стало массовым. Так, повышением его отметились жители Покояковского, Чарковского и Уйбатского улусов Хакасского уезда. Утаенные 200 десятин посева были обнаружены в с. Ильинском Ачинского уезда. Когда же РИК предложил сельсовету разложить их для уплаты налога на все население, то собравшийся сход решил предоставить эту выплату одной бедноте. Во время апрельского переучета лошадей обнаружилось, что в Бирилюсском и Больше-Улуйском районах были спрятаны 3,6 тыс. голов (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 4; Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 91; Д. 143. Л. 114; ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 67).

Нездоровую обстановку в деревне создавали и финансовые работники, быстро осознавшие свою бюрократическую вседозволенность. Так, обострение отношений с «господами коммунистами» случилось у крестьянина И. Филиппенко из Енисейского района. Узнав, что последний срок уплаты истекает 25 марта, он со слезами рассказывал на сходе, что в прошлом году, несмотря на хлопоты в госстрахе, с него требовали налог с площади погибшего урожая, а ныне – за якобы сохранившийся долг привлекли к судебной ответственности. Уплатив с вновь полученного зерна ЕСХН, крестьянин отказался рассчитывать за недоимку. «Пусть берут, – заявил он, – мы хоть посмотрим, кто нами правит» (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 82).

В результате хлебозаготовительное задание в Енисейской губернии было выполнено к 7 января 1925 г. на 59,4, к 7 февраля – на 75,9, к 15 марта – на 91,5 и к 15 апреля – на 98,1 % (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 3). Январское 1925 г. задание заготовить 8 млн пудов хлеба было перевыполнено. К 7 января 1925 г. от крестьян было получено 2414,2, к 7 февраля – 3084,5, к 15 марта – 3716,2, а к 1 апреля – 9567,8 тыс. пудов ЕСХН (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 841. Л. 3; Д. 905. Л. 32). На 1 мая 1925 г. заготовители собрали в регионе 11,2 млн пудов хлеба и выполнили план его централизованного закупа на 135,5 % (Ильиных, 2005. С. 112, 123; Ильиных, 2010. С. 63).

Список источников

Бакшеев А. И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск : Красноярский государственный медицинский университет, 2020. 145 с.

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М. : Международный НИИ проблем управления, 1991. 95 с.

Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск : Наука, 1987. 336 с.

Ильин Ю. А. Налогообложение сельского населения в годы нэпа // Россия нэповская: политика, экономика, культура : тез. Всесоюз. науч. конф. (25–27 июня 1991 г.). Новосибирск, 1991. С. 115–117.

Ильиных В. А. Хлебозаготовки середины 1920-х гг. в енисейской деревне // Исторический опыт освоения Сибири : сб. материалов по итогам науч.-практ. конф. Красноярск, 1989. С. 142–145.

Ильиных В. А. Соотношение форм классовой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924–1927 гг.) // Актуальные проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1990. С. 92–107.

Ильиных В. А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях НЭПа (1921–1927 гг.) // НЭП: приобретения и потери : сб. стат. М.: Наука, 1994. С. 164–175.

Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПа, (1921–1928 гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 343 с.

Однако вскоре местные власти вернулись к директивному образованию закупочных цен и сохранению прежних лимитов на хлеб. На вопросы крестьян, будут ли власти доплачивать им за сданный хлеб по низкой цене, тогда как цены на него повысились вдвое, фракция коммунистов в Енисейском ГИКе сочла возможным заявить, что такое может разрешить только центр, а они в данном случае выступают лишь исполнителем приказов и телеграмм, например, самого И. В. Сталина (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 752. Л. 34).

References

Baksheev A. I. (2020) NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.).

Goland Yu. (1991) Crises that destroyed the NEP. Moscow: International Research Institute for Management Problems. 95 p. (In Russ.).

Gushchin N. Ya., Ilyinykh V. A. (1987) Class struggle in the Siberian village, 1920s - mid-1930s. Novosibirsk: Nauka. 336 p. (In Russ.).

Il'in Yu. A. (1991) Taxation of rural population in the years of NEP. *Rossiya nepovskaya: politika, ekonomika, kul'tura: tez. Vsesoyuz. nauch. konf. (25–27 iyunya 1991 g.) = NEP's Russia: politics, economics, culture. Proceedings of All-Union Scientific Conference (June 25–27, 1991)*. Novosibirsk. P. 115–117. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (1989) Grain procurements of the mid-1920s in the Yenisei village. *Istoricheskii opyt osvoeniya Sibiri: sb. materialov po itogam nauch.-prakt. konf. = Historical experience of the development of Siberia. Proceedings of Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk. P. 142–145. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (1990) Correlation of forms of class struggle in the Siberian village in the conditions of the NEP (1924–1927). *Aktual'nye problemy istorii sovetskoi Sibiri: sb. nauch. tr. = Actual problems of the history of Soviet Siberia: collection of scientific tr.* Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. P. 92–107. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (1994) State regulation of the procurement grain market in the conditions of the NEP (1921–1927). *NEP: priobreteniya i poteri: sb. stat. = NEP: acquisitions and losses*. Moscow: Nauka. P. 164–175. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (2005) State regulation of the agricultural market of Siberia in the conditions of the NEP, (1921–1928). Novosibirsk: Publishing House of SB RAS. 284 p. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (2010) Chronicles of the Grain Front. Procurement campaigns of the late 1920s in Siberia. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin". 343 p. (In Russ.).

Историография крестьянства советской Сибири / В. Т. Анисков, Л. И. Боженко, Н. Я. Гуцин, В. А. Зибарев, С. Ф. Орлянский, В. И. Шишкин и др. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1976. 478 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1983. 390 с.

Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. II. Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму (с 1921 по 1969 годы) / М. Р. Акулов, В. З. Аношин, А. Л. Артеменко и др. Красноярск : Кн. изд-во, 1970. 390 с.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М. : Наука, 1991. 123 с.

Россия непознанная / С. А. Павлюченков и др. М. : Новый хронограф, 2002. 468 с. URL: https://bookscafe.net/read/pavlyuchenkov_servey-rossiya_nepovskaya-201200.html#p50 (дата обращения 30 сентября 2022 г.).

Скотт Джеймс. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Изд. группа «Прогресс» «Прогресс - Академия», 1992. С. 202–210.

Скотт Джеймс. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян (1985) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник, 1996. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 26–59.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929. М. : РОССПЭН, 2000. 1168 с.

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.

Федорова М. И. Активные формы крестьянского сопротивления реформам «сверху» – опыт XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 марта 2006 г.). Омск, 2006. Ч. 2. С. 232–236.

Шекшеев А. П. Кампании по взиманию натурального налога в Енисейской губернии начала 1920-х годов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 4 (34). С. 37–54.

Шекшеев А. П. Первая кампания по взиманию налога в Енисейской губернии (1921/22 г.) // Мартыановские краеведческие чтения (2020–2021 гг.): сб. докл. и сообщ. конференции, Минусинск, 10–11 декабря 2021 г. Вып. XIV. Минусинск : ООО «Издательские решения», 2021. С. 255–266.

Aniskov V. T. (1976) *Historiography of the peasantry of Soviet Siberia*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. 478 p. (In Russ.).

(1983) *The peasantry of Siberia during the construction of socialism (1917-1937)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. 390 p. (In Russ.).

Akulov M. R. (1970) *Essays on the History of the Krasnoyarsk Party Organization. Vol. II. The heroic struggle for the construction of socialism and the gradual transition to communism (from 1921 to 1969)*. Krasnoyarsk: Publishing house. 390 p. (In Russ.).

Russel B. (1991) *The practice and theory of Bolshevism*. Moscow: Nauka, 123 p. (In Russ.).

Pavlyuchenkov S. A. (2002) *Nep's Russia*. Moscow: New chronograph. 468 p. (In Russ.) Available from: https://bookscafe.net/read/pavlyuchenkov_servey-rossiya_nepovskaya-201200.html#p50 (accessed September 30, 2022).

Skott Dzheims (1992) *The Moral economy of the peasantry as the ethics of survival. The great stranger. Peasants and farmers in the modern world: A Textbook*. Moscow: Publishing house of the Progress Group "Progress - Academy". P. 202-210. (In Russ.).

Skott Dzheims (1996) *Weapons of the Weak: Everyday forms of peasant resistance (1985)*. *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': Ezhegodnik, 1996 = Peasantry studies. Theory. History. Modernity: Yearbook, 1996*. Moscow: Aspekt-Press. P. 26-59. (In Russ.).

(2000) *The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918-1939*. In 4 vol. Vol. 2. 1923-1929. Moscow: ROSSPEN. 1168 p. (In Russ.).

Marchenya P. P., Razin S. Y. (2014) *Stalinism and the peasantry: a collection of scientific articles and materials of round tables and meetings of the theoretical seminar "The Peasant question in national and world history"*. Moscow: Ippolitov Publishing House. 765 p. (In Russ.).

Fedorova M. I. (2006) *Active forms of peasant resistance to reforms "from above" - the experience of the XX century*. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: Mat-ly VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (30–31 marta 2006 g.) = Siberian village: history, current state, prospects of development. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (March 30-31, 2006)*. Omsk. Pt. 2. P. 232-236. (In Russ.).

Shekshееv A. P. (2020) *Campaigns for the collection of natural taxes in the Yenisei province of the early 1920s*. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova = Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov*. No. 4 (34). P. 37-54. (In Russ.).

Shekshееv A. P. (2021) *The first campaign for tax collection in the Yenisei province (1921/22)*. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2020–2021 gg.): Sb. dokl. i soobshch. Konferentsii, Minusinsk, 10–11 dekabrya 2021 g. = Mart'yanovsky Local History Readings. Collection of documents and reports. (2020 - 2021)*. Minusinsk: ООО "Izdatel'skie resheniya". Iss. XIV. P. 255-266. (In Russ.).

Информация об авторе

А. П. Шекшеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, член правления, Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий, 655017, Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, Россия.

Вклад автора

Шекшеев А. П. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 октября 2022 г.; одобрена после рецензирования 18 ноября 2022 г.; принята к публикации 5 декабря 2022 г.

Information about the author

A. P. Sheksheev - Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Member of the Board, Khakass Republican Association of Victims of Political Repression, 59-49, Shchetinkina street, Abakan 655017, Russia.

Contribution of the author

Sheksheev A. P. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 12, 2022; approved after reviewing November 18, 2022; accepted for publication December 5, 2022.